

Слагаемые семантики производных слов

Отношения производности сложны и не всегда хорошо изучены, поэтому крайне важно при научном исследовании определить характер взаимосвязи между семантикой мотивирующего и мотивированного слова.

Производные наименования, как известно, не только называют предметы, явления и прочие атрибуты внеязыковой действительности, но и соотносятся с производящими их словами, т.е. можно говорить с двойной референтной соотнесенности производных слов в отличие от непроемных. Соотнесенность производных с производящими обуславливает не только морфемный состав первых, но и семантический, т.е. производные «выступают носителями формально-семантических отношений к непосредственным производящим» [7:10]. Правильное понимание связи между мотивированным и мотивирующим лежит в основе синтеза значения слова из его компонентов, т.к. анализ – это «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения)... для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью другого логического приема – синтеза – в целое, обогащенное новыми знаниями» [4:34-35]. Методологической базой является положение о том, что без анализа нет синтеза, восходящее к концепциям европейских философов-рационалистов XVII-XVIII вв., отрицавших возможность достижения адекватного знания путем последовательного сведения сложного к максимально простому: «все существующие на свете понятия могут быть разложены на небольшое число простых понятий, являющихся как бы алфавитом, и посредством правильного метода из комбинаций букв такого алфавита могут быть со временем вновь получены все вещи вместе с их теоретическими доказательствами» [4:279]. «Правильный метод» и есть синтез.

Анализ и синтез, являясь самостоятельными приемами исследования, находятся в тесной взаимосвязи, носящей, как верно отмечает А.М.Кузнецов, скорее процедурный, чем теоретический характер, «поскольку для восстановления целостного значения необходим «строительный материал», т.е. именно те смысловые компоненты, которые как раз и производятся в процессе анализа» [5:84].

Таким образом, прежде чем описать семантику производного слова, необходимо определить, какие компоненты ее формируют. Адекватности описания можно достичь, если в основу выделения будут положены такие категории, как часть и целое, характеризующие общее движение познания, которое обычно начинается с нерасчлененного представления о целом, затем переходит к анализу, расчленению целого на части и завершается воспроизведением объекта в мышлении в форме конкретного целого [9:109]. Проблема части и целого, выдвинутая еще в античности Аристотелем, истинную интерпретацию получила только в диалектическом материализме: в сложноорганизованных объектах целое несводимо к сумме частей.

Познание целого и частей происходит параллельно: выделяя части, мы анализируем их как элементы целого, в результате же синтеза целое выступает как некоторая совокупность частей. Свойства целого обусловлены взаимоотношением его частей. Часть реализует в целом только те свои характеристики, которые необходимы для образования целого, т.е. в производном слове полисемные морфемы выступают только в одном своем значении. А так как другие качественные характеристики остаются нереализованными, то это и служит базой для возникновения новых значений слова. Исходя из понимания производного слова как единицы семантически зависимой, обусловленной другой единицей, при нерелевантности структурной сложности, можно выделить два обязательных слагаемых семантики производного: семантику мотивирующей основы и семантику форманта.

Но в словообразовании мы редко имеем дело с «чистым» сложением семантики, т.к. язык и по форме и по содержанию устроен не по арифметическим правилам сложения и вычитания. Чаще всего значение складывается не только из значений входящих в его состав морфем; в нем выделяются компоненты, которые формально не выражены: «Целое есть не только произведение частей, но и еще добавочно некая величина $A \times B + (x)$ » [6:146]. Компоненты смысла, не имеющие формального выражения, являются смысловым приращением.

Фразеологичность семантики связана с частеречной характеристикой слова. В большей мере она проявляется в именах существительных, что «в значительной степени объясняется тем, что это самая номинативная часть речи. Ее номинативность носит наиболее непосредственной характер» [2:12]. Изучение фразеологичности семантики, установление взаимо-

отношении между сущностью и формой представляется наиболее интересным. Вот почему мы учитываем как обязательные слагаемые семантики любого производного слова – мотивирующую основу и формант, так и необязательный, но довольно-таки регулярный – приращенный смысл. Определение характера их соотносительности, равно как и установление закономерностей связи между компонентами смысла и словообразовательными микрокатегориями имеет несомненную практическую значимость, особенно в преподавании русского языка как неродного, т.е. позволяет глубже проникнуть в природу исследуемого слова и определить его семантику.

При описании обязательных компонентов значения производного слова в основу положен тезис о единстве формы и содержания: любое явление имеет свою форму и свое содержание.

О.Есперсен, рассматривая различные подходы к языковым фактам, писал, что идя от формы к значению, мы приходим к морфологии, но «когда мы исходим из значения или функции и устанавливаем, как они выражаются в форме», – к синтаксису. «Обе части грамматики с их различной трактовкой дополняют друг друга и, взятые вместе, дают полный и ясный обзор общих фактов того или иного языка» [3:39-40]. Все сказанное в полной мере относится и к словообразованию, т.к. адекватности описания его единиц можно достичь только в совокупности двух подходов: от формы и от содержания. Вот почему, обращаясь к форме (описание «от формы» гарантирует полноту, строгость и точность исходной организации материала») [8:23], мы непременно приходим к ведущей, определяющей стороне объекта – содержательной, т.е. к значению, место которого в языке довольно образно определил Э.Бенвенист: «Что только ни делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасны попытки – оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает» [1:443].

1. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа//Новое в лингвистике. -1965. -Вып. 4.
2. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. -М., 1984.
3. Есперсен О. Философия грамматики. -М., 1958.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. -М., 1975.
5. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. -М., 1986.
6. Панов М.В. О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ им.В.П.Потемкина. -1956. -Т.51. -Вып.6.
7. Тихонов А.Н. Морфемный состав и словообразовательная структура слова // Акт. пробл. русск. словообразования. -Ташкент, 1975. -Т. 143. -№1.

8. Улуханов И.С. О видах усеченных основ мотивирующих слов в русском словообразовании // Развитие современного русского языка: Словообразование: Членимость. 1972.-М.,1975.

9. Философский словарь/Под ред. И.Т.Фролова.-4-е изд.-М.,1981.

Л.В.Яровая

Терминологическое поле судовождения в современном русском языке

Изучение лексического состава языка с помощью теории поля стало сегодня общепризнанным. Теория поля уже имеет определенную традицию в языкознании. До недавнего времени эту традицию отличала некоторая односторонность и противоречивость в определении понятия поля. Это связано с различием парадигматического и синтагматического подходов к проблеме [10:40-50]. С.Д.Кацнельсон разработал концепцию бинарных, или полярных понятийных полей, которые он рассматривал как группы лексем, относящиеся к одной понятийной сфере, противопоставленные одна другой и имеющие разные способы выражения обобщенного понятия [8:77-83]. Для современных исследователей характерен синтез синтагматического и парадигматического подходов к анализу поля [6:8-9, 177; 7:149]. В.Г.Адмони рассматривает части речи как поля с центром и периферией, пересекающиеся с другими полями. Центр образуется оптимальной концентрацией всех признаков, которые сходятся в данной единице. Периферия состоит из большего или меньшего количества образований разного объема с некомплектным количеством этих признаков [1: 49].

Понятие функционально-семантического поля, предложенное А.В.Бондарко, по нашему мнению, наиболее полно учитывает формальную и смысловую стороны единиц языка, входящих в то или иное поле. По мнению ученого, функционально-семантическое поле (ФСП) – это двустороннее (содержательно-формальное) единство, которое создается грамматическими единицами и категориями вместе с равноуровневыми средствами, взаимодействующими с ними и объединенными на семантико-функциональной основе. А.В.Бондарко выделяет два основных структурных типа ФСП: моноцентрические (опирающиеся на определенную грамматическую категорию) и полицентрические (опирающиеся на